Дискуссия о полётах во Вселенную

Свою беседу я начал в этот раз так:

— Джентельмены! Сегодня я вас приглашаю принять участие в научной дискуссии о Вселенной и путешествии по ней. Предлагаю следующий распорядок нашей научной конференции: мне вы разрешите сделать вступление для того, чтобы вас ввести в курс дела. Потом ваши вопросы и мои ответы: в выступлениях разрешается фантазировать. В конце — моё заключительное слово по вашим выступлениям. Через каждый час — перерыв на полчаса. Согласны ли вы с моим предложением?

Крики — согласны!

— Для порядка давайте проголосуем поднятием рук. Кто согласен?

Подавляющее большинство.

— Кто против?

Нет. Воздержались трое. Принято!

Я начинаю вступительное слово. Я рассказываю о высказываниях Ф. Энгельса, Ломоносова, Канта, Лапласа, Ньютона. Кто не наблюдал за небесными светилами, кто не мечтал о полётах к звёздам, особенно будучи молодым. К.Э. Циолковский сказал: «Земля — колыбель Разума, но нельзя вечно жить в колыбели».

Использование принципа действия фейерверка пришло в голову пламенному борцу за счастье народов России — человеку с большой фантазией — русскому революционеру Н.И. Кибальчичу. Он, находясь в тюрьме, составил схему реактивного летательного аппарата. Кибальчич в огненной игрушке увидел средство для полётов на другие планеты. Но в 1881 году Кибальчич был повешен.

---

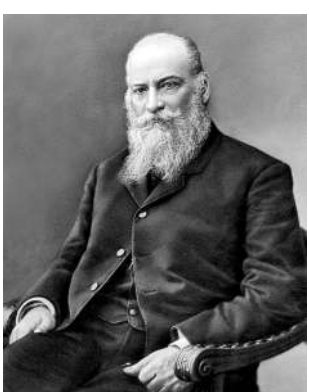
[1] Продолжение воспоминаний Якова Матвеевича Терентьева. Начало см. Журнал «На русских просторах» №№ 4(39) за 2019 г., 1(40), 2(41), 3(42), 4(43) за 2020 г., № 1(44). Публикатор Вячеслав Зайцев.

Воспоминания вслух

Циолковский Константин Эдуардович (1857–1935) посвятил всю жизнь изучению Вселенной и конструированию ракет. Он предложил оригинальную конструкцию ракетных двигателей на жидком и твёрдом топливе. Ряд миниатюрных двигателей им построен и испытан. Один из старых конструкторов Л.К. Корнеев мне рассказывал о посещении Циолковского. «Мой приезд был неожиданным для К. Э., но встретил он меня со свойственной ему теплотой, отложил свои работы в сторону. И тут же начал рассматривать чертежи ракет, привезённые мною. В те дни ему шёл 78 год, но он почти весь день слушал, не прерывая, и только часто делал какие- то пометки на листе бумаги. Затем посыпались вопросы, замечания и советы. Я был буквально поражён его проницательностью и свежестью мысли. Просто и понятно излагал он их, несколько раз повторяя при этом: “Имейте в виду, я не навязываю свои взгляды. Продумайте ещё раз, просчитайте...”»

Циолковский К.Э.
Фото 1924 г.

Н.Е. Жуковский родился в 1847 году, выдающийся учёный, крупный общественный деятель, которого Ленин называл отцом русской авиации, не только создал ряд теоретических законов по созданию разных видов самолётов, но и движению ракет. Он писал: «Человек не имеет крыльев, и по отношению веса своего тела к мускулам в 72 раза слабее птицы, но я думаю, что он полетит, опираясь не на силу своих мускулов, а на силу своего разума». Советское правительство создавало Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), которым руководил Н.Е. Жуковский. После его смерти в 1921 году институту было присвоено его имя, Жуковский сделал много, чтобы Земля не была вечной колыбелью для человека.



Жуковский Н.Е.
(1847–1921)

С.А. Чаплыгин родился в 1869 году, под воздействием учёных В.Я. Цинглера и Столетова стал выдающимся учёным академиком, стал продолжателем дела Жуковского и после смерти последнего был назначен правительством руководителем ЦАГИ.

И.В. Мещерский — один из корифеев науки, учёный-механик, решал другие задачи, сделал ряд открытий о механике переменной массы, что решает проблемы полёта ракеты.

Ф.А. Цандер — инженер крупный учёный и изобретатель в области ракетостроения, посвятил всю жизнь ракетному делу. Строил и испытывал их в движении.

В последние десятилетия выросли специалисты-конструкторы, специалисты по ракетному топливу, по созданию новых материалов и др... В 1929 году первая ракета на жидком топливе инженера Цандера поднялаь на 300 метров; в 1835 году — инженера М.К. Тихонравова на десять километров. Выросла целая плеяда инженеров ракетчиков: М.К. Тихонравов, Б.С. Петропавловский, С.П. Королёв, Л.К. Корнеев и другие.

А тогда в тюремном вагоне я был поражён активностью заключённых, особенно уголовников. Вопросов было так много, что я отвечал на них этот и весь следующий день.

Все вопросы запомнить было немыслимо, но вот некоторые из них. Николай Коперник, великий польский учёный, ещё в 1543 году утверждал, что не Земля, а Солнце является центром, вокруг которого вращаются планеты, в том числе и наша Земля. Джордано Бруно, великий итальянский мыслитель высказал в 1591 году идею о бесконечности Вселенной. Галилей — итальянский физик, механик, астроном материалист впервые наблюдал за Вселенной в изобретённый им телескоп, открыл неожиданную картину сложности Млечного пути и вращение Солнца. Отвечать пришлось и на вопросы об образовании планет, о строении солнечной системы, о Галактике, Земле, Луне. При изложении вопросов высказывались разные рассуждения — это и были выступления.

В заключительном своём слове я рассказал, как меняется понятие об окружающем нас мире — от «священного писания» к действительному познанию мира. Например, как менялось представление о Луне — это было уже другое понятие о ней, Галилей в 1610 году писал о лике Луны. В наше время интерес к миру стал массовым. Но советские люди выполняют рекомендацию Маркса: «Философы лишь объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его изменить». Началось и самое начало освоения Вселенной, дальнейшее — дело времени. На этом я и закончил «дискуссию».

Между тем поезд стремительно двигался вперёд, и в один весенний солнечный день мы приехали в Хабаровск.

Хабаровск. Неожиданное гостеприимство

Солнце заметно спешило к «отдыху» — к западу. Мы как-то привыкли двигаться, привыкли к мельканию маленьких и больших станций. При остановках ожидали подачи воды, хлеба и изредка приварка. Стоим около часа, уже пора бы нас порадовать. Наконец, открывается дверь вагона, вместо съедобного у входа офицер (по- современному) спрашивает: «Терентьев здесь?». Я по выработанной привычке отвечаю — «Яков Матвеевич». Коротко говорит: «С вещами». Вагон сразу заговорил, а командир вызывает троих: одного политического и двух уголовников — им тоже «с вещами». Все заключённые высказывают, как обыкновенно, предположения, слышу сожаления, ехать бы до конца вместе.

Человек, как бы ему ни было тяжело, привыкает к обстановке. Когда уходишь в неизвестность, приходят два чувства — надежда на лучшее и сожаление к расставанию.

Минут через 20–30 открывается дверь и команда — «Выходи!». Все заключённые, кто стоя, кто сидя, — подают на прощание руки, машут руками — проходит трогательное прощание. Командир грозно торопит, выскакиваем из вагона. Закрывается дверь. Командир проверяет каждого по документам. Конвой забирает нас, а командир пошёл к соседнему вагону.

Оказывается, около двадцати вызванных заключённых сопровождают в Хабаровскую тюрьму. Ведут пешком, примерно около часа, наконец, высокий деревянный забор и, как мне показалось, старая, чёрная и неприветливая, как все тюрьмы, — тюрьма.

Открываются большие ворота, появляется сопровождающий офицер и трое в штатском. Начинается приём заключённых по списку; после проверки полных данных каждого впускают в тюремный двор.

Выкликивают меня, по привычке рапортую — Терентьев... и так далее. Один из старших говорит: «Терентьев, в сторону!» Я встал по другую сторону от принимающих и строящихся в колонну заключённых и ждал, пока не закончится приём последнего из приведённых заключённых. Закрываются ворота. Все заключённые уходят, меня ведёт надзиратель в другую сторону. Приводит в камеру, где много заключённых. Один из них, видимо староста, показывает место. Мой приход совпал с ужином, меня накормили. Я давно нормально, как заключённый, не ужинал.

Заключённые, в большинстве, оказались «работяги» и политические. Как это всегда случается, когда поступает «новенький», его обступают кружком и начинаются расспросы: откуда, кто, что, какие новости. Видимо, часов в восемь надзиратель открыл дверь и объявил — Терентьев, без вещей!

Закрыв дверь на замок, повёл меня мимо камер, вывел на двор к небольшому домику, около которого были цветы и небольшие кустики. Вошли в жилую квартиру и вдруг комендант тюрьмы меня приветливо встречает:

— Здравствуйте, Яков Матвеевич — вы меня не знаете, а я вас довольно хорошо знал, — и подаёт мне руку.

Оказалось, что он работал на Путиловском — ныне имени Кирова — заводе, где мне приходилось бывать. Он напомнил мне, что я приезжал туда с М.Н. Тухачевским и что обо мне рассказывали люди, хорошо меня знающие. В то время он работал конструктором экспериментального цеха. Тут он взял зеркало и подал мне.

— Вас, конечно, трудно узнать, пожалуй, только по кожаному пальто, фуражке и списку заключённых.

Я посмотрел на себя в зеркало и не узнал себя — я был грязный, заросший бородой. Я ответил, что тюрьма никого не красит.

Он назвался, насколько помню, фамилия Шереметьев, а имя и отчество я забыл. Шереметьев продолжал:

— Давайте договоримся, пойдёте в баню, побреетесь, не торопитесь, приходите ко мне — будем пить чай и поговорим.

Я с радостью согласился. Шереметьев вышел во двор, позвал кого-то и дал распоряжение меня помыть, побрить, дать чистое бельё. Недалеко от дома коменданта была баня. Видимо, банщик ввёл меня в баню, она оказалась уютной. Банщик указал мне, где помыться, на простыню, бритвенный прибор, зеркало, где попариться, достал пару чистого белья, сказал –« своё бельё сбросьте здесь». Потом дал мыло, мочалку и ушёл.

За три года я впервые получил какую-то свободу. Баня была чистая, хорошо освещена электричеством. В бане я не был больше месяца. Я помылся, хорошо попарился, побрился, стал свежим человеком и думал — свет не без добрых людей.

Я прошёл в квартиру Шереметьева, который уже был переодет в домашнюю пижаму и встретил меня радушно, говоря:

— Ну, вот теперь Вы настоящий Терентьев!

Я, конечно, поблагодарил за такое удовольствие. На столе было приготовлено мясо, колбаса, сыр, лепёшки домашние, был чай.

— Присаживайтесь, закусывайте, не стесняйтесь. Водку не подал, знаю, что не пьёте.

Я заметил, что он знает даже мои вкусы.

— Да, мне говорил Дубинин Гриша, он бывал у вас дома в Москве.

Я ответил, что Григорий Иванович был у меня дома, и я у него.

Шереметьев расспросил, когда я арестован, за что. Когда я ему сообщил, что арестован в 1938 году за «участие в военном заговоре»... Он мне ответил: «Только между нами, то что “заговоры” — это “липа”, уже давно известно. Потом — участие в военном заговоре и 5 лет? Когда за буханку хлеба дают десять лет».

Он сообщил, что я направляюсь в распоряжение Владивостокской тюрьмы, а поезд, которым я приехал, идёт в Находку. Оттуда людей направляют на Колыму и Чукотку. Вся ваша группа завтра будет отправлена, вероятно, к вечеру, во Владивосток.

Одновременно сообщил, что поговаривают — вот-вот начнётся война с Германией, хотя Сталин эти слухи опроверг, однако слухи идут упорные. Я впервые узнал, что много направляют людей на Чукотку.

Разговор наш затянулся. Он вытащил из шкафа газеты, в том числе первомайские. Я их просмотрел, обратил внимание на фото, помещённое в какой-то газете, — руководство Генштаба советских войск с Жуковым Г.К. во главе.

Написал я там открытку жене и попросил отправить её тов. Шереметьева. Как я после узнал, Тамара получила эту открытку.

Часов в 12 ночи я ушёл в камеру. Эта встреча, полученные новости, так меня взволновали, что я всю ночь не мог спать.

В камере начали расспрашивать, кто вызывал и так далее, я сообщил какую-то придуманную историю.

На другой день всех нас, прибывших в Хабаровскую тюрьму, отправили на станцию Хабаровск, там посадили в арестанский вагон пассажирского типа. Продолжилось наше путешествие во Владивосток.

Расстояние от Хабаровска до Владивостока 943 км мы проехали около двух суток и к вечеру были во Владивостокской тюрьме.

Пробыли мы в этой тюрьме 5–6 часов, нас спешно отправили на железнодорожную станцию для отправки в Находку. Ехали мы дальше опять в арестанском вагоне пассажирского типа. Мы, заключённые, могли свободно посещать другие купе, тут нас везли совсем иначе, чем мы ехали от Москвы.

Отправили нас в Находку во второй половине дня. До Находки было 160 км. С размещением было хорошо, да голодно.

На этом перегоне произошёл первый случай моей арестантской жизни. Мы о чём- то разговаривали, сидя на вагонных скамьях, я сидел у окна. К нам часто заглядывали, переговаривались заключённые из других купе, как это обычно бывает в поезде. В наше купе зашёл верзила, по виду похожий на бандита, с глазами, как у тигра, большими и опасными, подсел ко мне. Заговорил он со мной на мирных нотах о погоде и хороших видах из окна. Я разглядывал его вблизи — вид у него был упитанный — поведение нахальное, разговаривал, не торопясь. Также тихо он предложил мне отдать кожанку. Окружающие заключённые в купе — все уголовники — человек пять-шесть прислушиваются к нашему разговору. Я ему так же спокойно говорю, что кожанка уже лет 15 служила мне в Красной армии, послужит и дальше, тем более, что заменяет сейчас и постель и одеяло. Отдавать её кому-либо у меня нет намерения.

Тогда он просит отдать ему чемодан со всем содержимым, всё равно, мол, его отберут в Находке. Идёт разговор как у двух деловых людей. Я ему говорю, чемодан мне очень мешает и я его давно бы выбросил, но его жена уложила, и при этом было четверо детей. Ничего ценного в чемодане нет, но везу его, как часть моей семьи и в память их страдальческого вида по случаю моего ареста. Вижу, глаза делаются у верзилы как у тигра, когда у него хотят отобрать добычу. Тогда он заявляет в несколько повышенном тоне, что сейчас оставит меня в одном белье, заберёт кожанку, чемодан, сапоги и костюм. Я без боя не отдам, — заявил я, отодвигаясь от него и принимая позу защиты. В этот момент поезд резко затормозил, в купе воцарилась тишина, вижу, что бандит вошёл в ярость. Вдруг один мой спутник от Москвы говорит: « Не тронь!». Бандит рывком встал и пригласил его выйти в коридор — поговорить? Я уже знал, что «поговорить» — это значит поговорить на кулаках. Я тоже встал, чтобы выйти «поговорить», а мой защитник: «Вы, товарищ, Терентьев, уж посидите тут!». Вышли. Бандит ему что-то говорит на их жаргоне. Один из заключённых выглянул и сказал: «Ушли к “Лысому”». Моего защитника не было более часа, я начал беспокоиться, и один из заключённых пошёл выяснять и через 10–15 минут возвращаются оба. Я стал его благодарить. Пришёл он также спокойно, и вид его не был похож на то, что его били. Он, между прочим, сказал: «Не бойтесь никого, вас никто не тронет». Больше я бандита не видел, и подобных разговоров у меня никогда не было.

Продолжение следует.